

5. Heidegger M. The Question Concerning Technology // *Matter*. – 2018. – Vol. 2. – P. 4–4.
6. Фейерабенд П. Против метода: Эскалация к анархии / пер. с англ. – Лондон: Verso, 1975. – 6 с.
7. Бодрийяр Ж. Система объектов / пер. с фр. – Москва: РИПОЛ классик, 1968. – 95 с.
8. Михайловский А.В. Немецкая философия техники // *Вопрос о технике и критика современности в Германии между Первой и Второй мировыми войнами*. – 1949. – Т. 59. – С. 15–30.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2: Тысяча плато // *Горное Эхо*. – 2019. – № 3. – С. 13–17.
10. Кун Т. Структура научных революций // *Sustain*. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 1–14.
11. Мангутов И.С. Инженер. Социально-экономический очерк. – Москва: Инфра-Инженерия, 2016. – 23 с.
12. Мадхаван Г. Думай как инженер: Главное о системном мышлении / пер. с англ. – Москва: Альпина Паблишер, 2015. – 320 с.
13. Ellul J. *The Technological Society*. – New York: Alfred A. Knopf, 1967. – 449 p.
14. AutoPilot Review. Tesla Autopilot Crashes and Causes. – 2016. – URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/jacques-ellul-the-technological-society> (дата обращения: 15.03.2025).
15. Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. – Oxford: OUP Oxford, 2014. – 328 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=9EFJAwAAQBAJ> (дата обращения: 01.04.2025).
16. O’Neil C. *Weapons of Math Destruction*. – 2022. – URL: https://books.google.ru/books/about/Weapons_of_Math_Destruction.html (дата обращения: 01.04.2025).
17. Umbrello S. Coupling Value-Sensitive Design to Responsible Research and Innovation // *Journal of Responsible Technology*. – 2021. – Vol. 3617. – URL: <https://scholar.google.ru/citations> (дата обращения: 05.04.2025).

УДК 396

ФЕНОМЕН МИЗОГИНИИ: ПРОЯВЛЕНИЕ МУЖСКОГО ШОВИНИЗМА ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ МЕНЯЮЩЕЙСЯ ГЕНДЕРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

А.В. Зайченко, бакалавр

*Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия*

Аннотация. В статье рассматривается феномен мизогинии как устойчивый социально-культурный паттерн, проявляющийся в литературе, искусстве, повседневных практиках и институтах общества. Анализируются взгляды классических и современных исследователей, включая С. де Бовуар, К. Миллетт и Дж. Батлер. Особое внимание уделяется структурной природе мизогинии, её связи с гендерной иерархией и социокультурными нормами. Также рассматриваются вопросы гендерного насилия, дискриминации и возможность преодоления мизогинии в контексте гендерной трансформации современного общества.

Ключевые слова: мизогиния, гендерные стереотипы, ненасилие, гендерное насилие, патриархат, права и свободы человека.

MISOGYNY PHENOMENON: MANIFESTATION OF MALE CHAUVINISM OR A CONSEQUENCE OF CHANGING GENDER TRANSFORMATION

Abstract. The article explores the phenomenon of misogyny as a persistent socio-cultural pattern that manifests itself in literature, art, everyday practices, and social institutions. The views of classical and modern scholars, including S. de Beauvoir, K. Millett, and J. Butler, are analyzed. Special attention is paid to the structural nature of misogyny, its connection to gender hierarchy and socio-cultural norms. The article also discusses gender-based violence, discrimination, and the potential for overcoming misogyny in the context of gender transformation in modern society.

Keywords: misogyny, gender stereotypes, nonviolence, gender-based violence, patriarchy, human rights and freedom.

В эпоху провозглашенных универсальных и неотъемлемых прав человека, пристальное внимание к явлениям, подрывающим эти фундаментальные принципы, становится не просто важным, но и необходимым.

Одним из таких явлений, требующих глубокого анализа и решительной борьбы, является мизогиния – глубоко укоренившаяся ненависть, предубеждение, презрение и отвращение к женщинам. Важно подчеркнуть, что мизогиния – это не единичный случай личного неприятия, не простое проявление неприязни к отдельным женщинам, а сложное и многогранное социальное явление, пронизывающее различные уровни общества и приводящее к систематическим, повсеместным и зачастую незаметным нарушениям прав человека. Она проявляется не только в откровенном насилии и дискриминации, но и в подсознательных предубеждениях, стереотипах и микроагрессиях, которые формируют общественное мнение и ограничивают возможности женщин.

Мизогиния, глубоко укоренившаяся ненависть, предубеждение и презрение к женщинам, представляет собой системную проблему, пронизывающую различные аспекты общества и приводящую к серьезным нарушениям прав человека, гарантирующих равенство и достоинство каждого человека, независимо от пола. Однако, мизогиния систематически подрывает эти принципы, создавая для женщин барьеры, ограничивающие их возможности и ставящие под угрозу их безопасность.

Тема данного исследования представляется в настоящее время достаточно актуальной, учитывая тот факт, что в мировом научно-философском сообществе вопросам обеспечения реального социального равенства мужчин и женщин, преодоления различных проявлений дискриминации в этой сфере уделяется серьезное внимание.

Научная новизна работы определяется рассматриваемым аспектом исследования проблемы феномена мизогинии, когда мизогиния выступает в качестве неотъемлемой стороны масштабной практики консервации женской уязвимости, подлежащей искоренению.

Цель данной работы – провести глубокий анализ явления мизогинии, выявить ее причины и последствия, а также предложить пути преодоления этого явления в контексте соблюдения прав человека и достижения равенства полов.

Насилие в отношении женщин, включая домашнее насилие, сексуальное насилие, домогательства и убийства на почве ненависти, является наиболее очевидным проявлением мизогинии. Дискриминация женщин в сфере труда, образования, политики и других сферах общественной жизни, сексуальная объективация и коммерциализация женского тела, словесные оскорбления и ненавистнические высказывания, ограничение репродуктивных прав – все это проявления мизогинии. Международное сообщество признает мизогинию как серьезную проблему и призывает каждое государство принимать все меры для ее искоренения. Важно создавать необходимые правовые и нравственные условия для обеспечения равенства между мужчинами и женщинами, предотвращая также все виды насилия в отношении женщин, в том числе и домашнее насилие. Борьба с мизогинией требует изменения социальных норм и стереотипов, усиления правовой защиты, поддержки жертв насилия, усиления роли женщин в политике и экономике, борьбы с ненавистническими высказываниями в интернете.

Однако чтобы понять глубину проблемы, необходимо заглянуть за рамки этих очевидных проявлений и попытаться осознать ту питательную среду, в которой произрастает мизогиния. Это мир устоявшихся социальных иерархий, в которых мужское доминирование воспринимается как естественный порядок вещей. Мир, где гендерные стереотипы формируют представления о «правильном» и «неправильном» поведении для мужчин и женщин, где женщины часто оцениваются по своим внешним данным и способности угождать мужчинам, а не по своим интеллектуальным способностям и профессиональным достижениям.

Изучая мизогинию, мы обнаруживаем, что она не является монолитным явлением. Существуют различные формы мизогинии, которые проявляются в зависимости от контекста и социальных групп. Есть, например, «доброжелательная» мизогиния, которая проявляется в патерналистском отношении к женщинам, в желании защитить их от «опасностей» мира. На первый взгляд, это может показаться проявлением заботы, но на самом деле это лишает женщин самостоятельности и автономии, закрепляя их зависимое положение.

Есть и «враждебная» мизогиния, которая проявляется в открытой ненависти и презрении к женщинам, в желании унижить и подавить их. Эта форма мизогинии наиболее опасна, так как она может приводить к насилию и дискриминации.

Но даже за пределами этих явных форм, мизогиния проникает в самые тонкие ткани нашей культуры. Она проявляется в шутках и анекдотах, которые унижают женщин, в языке, который использует гендерно окрашенные термины для описания определенных профессий или качеств, в изображениях, которые объективируют женское тело. Эти микроагрессии могут казаться незначительными, но они постепенно формируют общественное мнение и закрепляют мизогинистские установки.

Важно понимать, что мизогиния – это не просто проблема отдельных «плохих» людей. Это системная проблема, которая укоренена в культуре и подпитывается социальными институтами. Для того чтобы по-настоящему понять мизогинию, необходимо взглянуть на нее как на сложный и многогранный феномен, который требует глубокого анализа и критического осмысления.

Мизогиния как социальное явление пронизывает все уровни общества и является одним из самых разрушительных факторов, подрывающих идеалы равенства и прав человека. В эпоху, когда человечество стремится к всеобъемлющему признанию прав личности, возникает вопрос: можем ли мы говорить о настоящем прогрессе, если половина общества – женщины – по-прежнему сталкиваются с глубоко укоренившимися барьерами на пути к равенству и достоинству? Это явление не просто сопровождает нас в повседневной жизни, оно влияет на все сферы – от культуры до экономики, от личных отношений до государственной политики. Мизогиния становится той невидимой нитью, которая соединяет частные случаи с масштабными системными проблемами, и вряд ли мы сможем решить проблему равенства, не обращая на нее должного внимания.

Мизогиния существует не только в очевидных формах насилия, но и в самой ткани культурных и социальных норм. Что это значит? Разве не является частью повседневной жизни то, что многие женщины в литературе и искусстве изображаются как пассивные объекты желания или жертвы обстоятельств? Возьмем, например, роман Виктора Гюго «Отверженные». Один из самых ярких персонажей – Фантина, страдает от жестокости мира, который ее осуждает только за то, что она женщина. В то время как она сама оказывается жертвой мизогинии в жестоких условиях Парижа XIX века, Гюго с горечью указывает на общественные нормы, которые лишают женщину права на самореализацию и человеческое достоинство [4]. Фантина не только осуждена за свою роль матери, но и превращена в объект эксплуатации. Разве не так выглядит лицо мизогинии: мир, где женщина вынуждена платить за свою слабость и зависимость.

Но не только литературные героини могут быть примером этих мрачных реалий. В реальной жизни женщины на протяжении веков сталкивались с постоянным унижением и жестокими ограничениями. Можем ли мы с уверенностью сказать, что эпоха равенства и прогресса действительно наступила? Почему, несмотря на то, что законы и международные конвенции провозглашают равенство всех людей, женщины все еще подвергаются насилию, несправедливости и дискриминации? «Императив «Подчинись или умри» может показаться преувеличением, но многие женщины знают, что это послание адресовано им» [1, с. 200]. Это выражение сохраняет свою актуальность ещё для многих стран.

Одним из наиболее скрытых, но все же крайне влиятельных проявлений мизогинии является язык. Это не просто слова и выражения, это отражение и укрепление социальных стереотипов, которые передаются из поколения в поколение. Вспомним идею английского философа Джона Локка, изложенную в его труде «Опыт о человеческом разуме»: «Нет ничего в разуме, чего бы прежде не было в ощущениях». Но как именно мы воспринимаем эти отпечатки опыта? Как они формируют наш взгляд на мир и самих себя? Факты и ценности могут коррелироваться друг с другом по-разному, в том числе и противопоставляться друг другу. Например, женщина, называющая себя «успешной», нередко сталкивается с обвинениями в «неженственности», стоит ей выбрать путь карьерного роста и личного развития. И наоборот – если женщина отдает предпочтение традиционным ролям, её могут унижать за якобы «неспособность быть самостоятельной».

Подобные стереотипы, вроде убеждения, что «женщина должна быть мягкой, послушной и, прежде всего, матерью», продолжают сдерживать общественный прогресс и ограничивать свободу выбора. Почему мы до сих пор популярно клише, гласящее что «настоящая» женщина должна быть не просто нежной, но и беззащитной? Почему мужчины, особенно в популярной культуре, изображаются как сильные и независимые лидеры, а женщины – как объекты, существующие лишь

для их удовольствия? Почему на страницах современных романов все ещё можно встретить персонажей, чье достоинство измеряется только их отношениями с мужчинами?

Если мы возьмем произведение «Грозовой перевал» Эмили Бронте, мы увидим, как женский образ – в лице таких персонажей, как Кэтрин Эрншоу – олицетворяет не только любовь, но и страдание, подчинение. Внешне сильная и страстная, она фактически оказывается слабой в своем зависимом положении, что подчеркивает мизогинистские настроения, царившие в обществе того времени [3].

И это ли не основная проблема, с которой сталкивается женщина в мире, где ей позволено быть только в определенных рамках? Мы видим, как «женщина» в таких произведениях, с одной стороны, изображена как обладательница глубоких чувств, а с другой – как существо, чья судьба целиком зависит от мужской воли.

Однако чтобы по-настоящему понять глубину и природу мизогинии, важно обратиться к фундаментальным исследованиям, которые заложили основу для её критического осмысления в современном обществе. Одними из ключевых мыслителей, внесших значительный вклад в изучение этого явления, являются Симона де Бовуар и Кейт Миллетт.

В своём классическом труде «Второй пол» Симона де Бовуар показала, как исторические, социальные и культурные механизмы способствовали закреплению неравного положения женщин, превращая их в зависимых и подчинённых существ в патриархальном обществе. «При этом, определяющая особенность положения женщины состоит в том, что являясь, как и всякий человек, автономной свободой, она познаёт и выбирает себя в мире, где мужчины заставляют её принять себя как Другого: её намеренно замыкают в рамках объекта, обрекают на имманентность, ибо её трансценденция будет постоянно преодолеваться другим, сущностным и верховным сознанием» [2, с. 24-25]. Утверждение этого видного философа о том, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся» до сих пор остаётся одной из наиболее влиятельных формул в феминистской теории, раскрывающей процесс социального конструирования женского «Я». Это утверждение иллюстрирует, насколько глубоко мизогиния проникает в культуру, предопределяя и закрепляя гендерные роли с самого рождения.

Развивая эту мысль, де Бовуар подчеркивала, что весь женский мир – это мир, созданный мужчинами для их собственного удобства. «Они живут в мужском мире, который подавляет их, у них не хватает смелости вырваться за его пределы и с головой уйти в свою работу» [2, с. 887]. Эта фраза ярко показывает, как ещё сохраняющаяся патриархальная культура общества навязывает женщине нормы и поведение, которые ограничивают её свободу и развитие, сводя её роль к обслуживанию интересов мужчины.

Кейт Миллетт в книге «Сексуальная политика» проанализировала механизмы мужского доминирования в литературе и политике, обращая внимание на то, как культура и власть воспроизводят гендерные стереотипы и закрепляют статус-кво угнетения женщин. К. Миллетт показала, что мизогиния пронизывает не только социальные институты, но и личные взаимоотношения, входит в самую ткань повседневной жизни, а её проявления глубоко встроены в язык, нарративы и художественные образы. Политику она рассматривает как структуру именно мужской власти по отношению к женщинам [5]. Женщина подчиняется мужчине не только из-за насилия, но и в силу воспитания, норм и культуры, которые определяют сам режим подчинения: «женщина должна знать своё место». Такие понятия как «любовь» в патриархальной культуре часто преподносятся женщинам не как равноправное чувство, а как форма компенсации за их социальную и экономическую подчинённость.

Работы де Бовуар и Миллетт не только раскрыли масштабы и глубину мизогинии, но и заложили основу для дальнейшего анализа того, как эта структура влияет на права человека и ограничивает возможности женщин. Идеи этих мыслителей позволяют увидеть, как исторически сложившиеся представления о «женской природе» были использованы для оправдания дискриминации, насилия и системного подчинения.

Несмотря на то, что современные концепции прав человека декларируют равенство полов, практика показывает, что мизогиния остаётся широко распространённым явлением, препятствующим достижению социальной справедливости. В настоящее время мизогиния пронизывает различные социальные процессы, такие как трудовая деятельность, политика и экономика. На сегодняшний день многие женщины все еще сталкиваются с невидимыми барьерами, с необходимостью оп-

равдываться за свое место в обществе, будь то в сфере высоких технологий, науки или искусства. Ещё довольно обычен т.н. «стеклянный потолок», который ограничивает их карьерный рост, несмотря на высокую квалификацию и достижения. С. де Бовуар прозорливо констатирует: «Быть женщиной – это если и не порок, то, во всяком случае, странность. Женщина должна постоянно завоёвывать доверие, которое поначалу ей не склонны оказывать. Для неё всё начинается с подозрений, она должна показать себя» [2, с. 886].

Весьма перспективным подходом к осмыслению возможностей преодоления феномена мизогинии представляются новые концепции ненасилия и взаимной зависимости, предложенные в последнее время известным американским исследователем Джудит Батлер.

Права человека провозглашают универсальные свободы и достоинство каждого индивида, однако исторически женщины подвергались систематическому угнетению через законы, культуру, религию и политику. Мизогиния проявляется в виде гендерного насилия, экономического неравенства, правовой дискриминации и культурных практик, ограничивающих автономию женщин.

Можно ли считать мизогинию формой насилия? Безусловно. Другое дело, что насилие не всегда принимает форму физической агрессии – оно может быть структурным, психологическим или символическим. Популярная ныне инструменталистская трактовка насилия, в рамках которой насилие применяется только в качестве средства, инструмента, но не цели, является слишком узкой и однобокой. Дж. Батлер в своих работах не ограничивает насилие только лишь актами физического разрушения; оно проявляется в формах социального исключения, экономической депривации и отказа в признании». Это в полной мере относится и к гендерному насилию.

Эта мысль особенно актуальна в контексте мизогинии, поскольку её проявления нередко носят скрытый характер: женщины могут сталкиваться с препятствиями в карьере, с меньшими возможностями в образовании, с обесцениванием их опыта. Государство и общество часто игнорируют или оправдывают подобные формы насилия, что делает их ещё более устойчивыми.

Какие последствия имеет это игнорирование мизогинии как далеко не всегда явного системного насилия? Во-первых, оно формирует культуру безнаказанности. Во-вторых, оно усиливает неравенство и препятствует женщинам в реализации их прав. Если мизогиния по сути своей является насильственной практикой, каким образом с ней тогда можно бороться?

Но что, если взглянуть на это положение дел с другой стороны? Почему бы не изменить систему, которая позволяет мужчинам занимать доминирующие позиции в экономике и политике, а женщинам – только подчиненные? Не является ли самой системой мизогиния, которая делает возможным, чтобы женщины работали на тех же самых должностях за меньшую плату, имели меньше прав и возможностей для продвижения? Кто же в итоге выиграл от того, что половина человеческого рода остается в подчинении? Мы ведь говорим не о науке, не о прогрессе, а о дискриминации, которая лишь укрепляет устаревшие модели власти.

Каким бы ни был ответ, очевидно одно: мизогиния разрушает основы справедливости, которые быть доступны каждому человеку, независимо от его пола. Справедливость должна включать в себя не только равные права, но и равные возможности. Можем ли мы с гордостью говорить о мире, где равенство провозглашается основой человеческих прав, однако такая системная несправедливость, как мизогиния, по-прежнему имеет столь широкое распространение? Может ли культура, которая продолжает поддерживать эти стереотипы и структуры власти, действительно претендовать на звание цивилизованной? Неужели мы не способны отказаться от тех негативных представлений о женщине, которые веками мешали обществу развиваться?

Когда мы говорим о противостоянии мизогинии, неизбежно встаёт вопрос о методах борьбы. История показывает, что радикальные феминистские движения нередко использовали стратегии, включавшие формы сопротивления, близкие к насилию, будь то радикальные протесты, публичные провокации или даже вербальная агрессия. Но является ли насилие эффективным ответом на насилие? Можно ли бороться с мизогинией, не прибегая к насилию?

Дж. Батлер в своей работе «Сила ненасилия. Сцепка этики и политики» полагает, что борьба против угнетения не обязательно должна быть основана на насилии. Насилие скорее закрепляет систему, чем разрушает её: «Ответ на насилие насилием только увековечивает саму логику насилия». Приоритетной целью политической практики для Батлер становится идеал ненасилия.

Женщины часто оказываются в положении зависимых /экономически, социально, политически/ от структур, определяющих их уязвимость. Рассматривая насилие в качестве атаки на взаимозависимость людей, Дж. Батлер считает, что признание взаимозависимости и глобальных обязательств перед всеми существами может стать ключом к более справедливому обществу. Поскольку насилие, с точки зрения американского мыслителя, интенсифицирует социальное неравенство, то ненасилие обретает свой позитивный смысл на основе приверженности радикальному равенству [1, с. 155]. «... Равенство не может быть сведено к расчёту, в котором каждому абстрактному человеку приписывается одна и та же ценность, потому что равенство людей теперь должно мыслиться в категориях социальной взаимозависимости [1, с. 26]. Если признать, что все люди взаимозависимы, то система доминирования теряет свою «естественность». При этом ненасилие не может пониматься только лишь как моральная позиция, как вопрос только индивидуальной совести. Этика ненасилия, по мнению мыслителя, не может основываться на индивидуализме и должна критиковать его как основу этики и политики. Позиция либерального индивидуализма представляется сейчас бесперспективной.

Может ли эта концепция стать эффективной стратегией в процессе преодоления мизогинии?

Дж. Батлер предлагает стратегию переосмысления общественных норм и институтов через призму ненасилия и социальной солидарности. Конечно, чётко отделить практику насилия и ненасилия вряд ли представляется возможным. Как неоднократно указывала Дж. Батлер, сами понятия насилия и ненасилия являются содержательно неоднозначными, а их смысл как правило определяется внутри некоторых семантических рамок уже после определённой интерпретации. Сами моральные дебаты о допустимости насилия предполагают предварительное выяснение вопроса о том, какой аспект насилия здесь подразумевается и каковы допустимые пределы использования такого насилия. Ведь даже легитимное правовое принуждение может оцениваться в разных случаях неоднозначно. Насилие не исчезнет само собой в зависимости от нашего желания. «Наоборот, насилие есть то, что постоянно претерпевает колебание, скольжение рамок, вращающихся вокруг вопросов оправдания и легитимности», – указывает американский мыслитель [1, с. 151]. Только отслеживая рамки понимания насилия, можно задавать смысловое поле интерпретации понятия ненасилия. Дж. Батлер надеется, что всё же удастся закрепить семантическую рамку для устоявшихся ненасильственных тактик сопротивления экономическим и юридическим формам эксплуатации, а также различным политическим формам ограничения, легитимность которых может быть поставлена под вопрос.

Если мы перестанем воспринимать женщин как «других», а начнём признавать их достоинство в контексте равенства прав и свобод в рамках общей человеческой уязвимости, мизогиния начнёт терять свою социальную опору. Эти процессы должны сопровождаться не просто юридическими реформами, но и серьёзными культурными изменениями: новыми образовательными моделями, отказом от дискриминационных нарративов в СМИ, дискредитацией привычных стереотипов в духе мужского шовинизма. Эти значимые социальные и культурные изменения, как мы видим сейчас, сопровождаются и происходящей трансформацией гендерных ролей в направлении их сближения, что в целом должно способствовать достижению социального равенства мужчин и женщин. Ненасилие, с точки зрения Дж. Батлер, должно рассматриваться в качестве совместно осуществляемой социально-политической практики [1, с. 30]. В этом смысле ненасилие, на наш взгляд, понимается в качестве глубокого социального процесса культурной трансформации.

Возможно ли создание мира, где женщина будет не объектом, а субъектом, не тенью, а ярким и полноправным участником жизни общества? Ответ на этот вопрос лежит в наших руках. Необходимо менять отношение к женщинам как к полноценным и самостоятельным личностям, чье место в обществе не ограничивается рамками «женственности» или «материнства». Мы способны изменить то, что нам кажется неизменным, и создать общество, где каждый человек, независимо от пола, будет равен перед лицом закона и на равных с другими сможет реализовать свой духовный потенциал.

Значит ли это, что противодействие мизогинии должно быть пассивным и может быть пущено на самотёк? Ни в коем случае. Напротив, ненасильственное сопротивление может включать в себя активные формы протеста: массовые демонстрации, кампании в социальных сетях, судебные иски, направленные против экономической и социальной эксплуатации женщин, публичные акции про-

теста против необоснованных политических ограничений, реформирование образовательных программ и т.д.

Борьба с мизогинией должна базироваться не только на основе привлечения широкого общественного внимания к данной проблеме, на публичной трансляции популярных лозунгов, требующих реального равенства, но предполагает кардинальное преобразование общественных структур и межличностных отношений, создающих условия для воспроизводства практики мизогинии. Необходимы глубокие изменения в экономической и социальной сферах, в системе образования, при этом должны подвергнуты трансформации сами культурные ценности и нормы. Только тогда традиционные гендерные стереотипы и предрассудки окончательно уйдут в прошлое.

Мизогиния по-прежнему остаётся глобальной проблемой, особенно для населения стран третьего мира, но оптимальнее всего её решать в рамках концепции равенства прав и свобод мужчин и женщин. Иные концепции прав и свобод человека создают дополнительные трудности для решения этой проблемы. Вопрос остаётся открытым: готовы ли современные общества пересмотреть свои устоявшиеся представления и решительно преобразовывать общественные структуры в пользу гендерной солидарности и справедливости? Ответ зависит от каждого из нас.

1. Батлер Дж. Сила ненасилия: Сцепка этики и политики / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. Е. Бондал, А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 224 с.

2. Бовуар С. де. Второй пол / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2022. – 928 с.

3. Бронте Э. Грозовой перевал / пер. с англ. И. Гуровой. – Москва: АСТ, 2018. — 320 с.

4. Гюго В. Отверженные: роман / пер. с франц. Н. В. Ман. – Москва: Эксмо, 2017. – 960 с.

5. Миллетт К. Сексуальная политика / пер. с англ. Н. М. Зотовой. – Москва: Прогресс, 1996. – 384 с.

УДК 332

ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОЙ РИГИДНОСТИ В ФИЛОСОФИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГМАТИЧЕСКОГО И СКЕПТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А.Н. Карчевский, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. В работе исследуется когнитивная ригидность – устойчивость убеждений вопреки новым данным. Рассматриваются методы её преодоления через критический рационализм (Поппер): проверку убеждений, интеллектуальную скромность и выход из «информационных пузырей». Предложен альтернативный метод преодоления этого недуга.

Ключевые слова: когнитивная ригидность, критическое мышление, убеждения, рациональность, информационные пузыри.

THE PROBLEM OF COGNITIVE RIGIDITY IN PHILOSOPHY: COMPARATIVE ANALYSIS OF DOGMATIC AND SKEPTICAL APPROACHES TO RATIONALITY

Abstract. The study examines cognitive rigidity – the resistance to changing beliefs despite new evidence. It explores overcoming methods through critical rationalism (Popper): testing beliefs, intellectual humility, and escaping "information bubbles". Practical techniques for developing flexible thinking are proposed.

Keywords: cognitive rigidity, critical thinking, beliefs, rationality, information bubbles.

В современном мире, переполненном информацией и противоречивыми точками зрения, проблема когнитивной ригидности приобретает особую остроту. Мы наблюдаем парадоксальную си-